

Дмитрий ЗАМЯТИН

Дмитрий Замятин родился в 1962 году в г. Свердловск-45. Окончил географический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, докторантуру Института географии РАН. Кандидат географических наук, доктор культурологии. Как поэт и эссеист публиковался в журналах «Новое литературное обозрение», «Новая Юность», «Воздух», «Волга», «Урал», TextOnly, «Зеркало», и др. Автор пяти поэтических книг, в том числе «Го оснег» (2019). Лауреат Премии Андрея Белого (2011) в номинации «Гуманитарные исследования», а также Международной отметины имени Давида Бурлюка (2018). Живёт в Москве.

УКЛОНЕНИЕ ОТ МГНОВЕННОСТИ

словно какое-то тихое блаженное преувеличение	
общее желание горячего кофе	чувством бесшовных соединений
	мы могли бы быть новой рекой
как наслоение конвенций	в небольшом городе
	полном ветра
уклонение от мгновённости	я слышу себя горлом
недолгое долото диалога	в наших цифровых районах
	мы просыпались в пустых электричках
глядя в глаза травы	

	чтобы вернуть предметам их нежность
в непривычной подлинности первых	
дагерротипов	
	так трогаешь рукой
	темноту
золотистые спайки живого	

возобновляется	дышит и
	дышится
	следить за величиём деревьев
мало-помалу рассеянный по огромному времени	
	в упругие утра
твои руки на птицах	молочно-вечно

остаются занозы сезамы фотографий

изнутри участвовать
в артикуляции бытия

длений
тление

так трогаешь тревогой темноту
не зная что каждый всегда покидает
случайные матрицы снов

при мысли о том какими мы были
на стадии законченного эскиза
вплетая очередное прошлое
даже торопливый взмах руки
с той стороны улицы

трудно быть
заземлённым
голос ландшафта течёт
теплом плюшевого медведя

у этих зарослей тишины

ранние советские самолёты в облаках
как ласковые собаки наших ног
мы созданы чтобы наблюдать
друг друга

чуть-чуть не такая древность
в шершавости не
сказанного

пожилое седеющее море

размеренная растерянность предместья
на краю нового
тактильного мифа

в резиновых криках сумерек

сравнивая молчание мутации растений теней стен

вещая магма
вещей лощин

убегать без страха

когда замирает одышка сущего

невесомое ремесло прикасаний в стигийских пригородах снег
история соскальзывания в забвение
 словно в интерьерах вермеера
дрожание ваших век описанья дроздов кентавров
 почтовых ящиков
предчувствие обиженной воды изобретая себя
 в молчанье других голосов

мы кутаемся в мимесис
 в амальгаму из дождя и пейзажей
посреди сна колкое остриё пустоты
указание бытия референта в *огромкие* резонирующие соборы
 полные мягкой золотой гнили
пахнущие елью и чаем

как чья-то речь на латинском
 зверино-зерниста(я) зоркость оползня
горизонты грозят глазами грёз
 где бесшумны и нежны
 умны
вязов азы и
зовы

мы греемся в недолговечных деревянных снах
 зыбь зы
 быванья
чтобы жить свою жизнь так же близко от отдалённых вещей
 вплывая в тела наших игр
ночь (д)лилась стояче медузой из плавного монгольфьера
 в полное обнажение немоты

 пока не начался метамодерн
время становится кочевым рождаясь из шаткого равновесия
в резких криках приморских чаек
 шерстяная пронзительность марта
 чтобы держаться вплотную к видимому среди всего того что не
 сказано
 кочевник умеет ждать

вечерний мерцающий рим	саботаж самого себя диссипативных структур
ложится снег на тревогу	прежде чем глаз успеет трепещущей толщей

немного пьяно и слабо тревожно	проснувшись от удара в стекло отполированным временем
несмотря на видимость тепла	между двумя способами нарративной легитимации
спрятано зерно распыления я	в этих зияющих прожилках света лампа исполняет саму себя
между никогда не завершаемых трансформаций пропитаны тишиной и палёной пылью	

* **

вечером или в бесцветные дни пустынничество стынущей воды	отдалённость отдалённости где мерцает призрак тавтологий
сплав чудес неведомого праха лучше в кинотеатр где-нибудь в центре	открывая выжженные глаза
в муравьином кишеньки прошлого	трогая звон этого ветра

	итак	
скажем небо	подвешенность оседающей освещённости	какая-то жестяная женственность
оттого что наступает маленькая зима	называя пространство евклидовым	при отсутствии времени где всё пройдёт
вручая себя наугад		водянистым розовым цветом

мятная укоризна (ви)тающих снегов защищая парящее сжатие	лимфоузлы ничем не определены немного синевы
сквозь знакомые линзы сознания бесформенность	ей больше подойдёт

что-то вроде аббревиатуры головокруженья

встревоженная восторженность
движенье никуда не
движется

голос в нескольких сантиметрах
набухание пустырей в сумраке

или же

бесконечно рассказывать город

когда исчезает небыль неба
зачехляя цикличность свеченья
обнаружить тихую шелестящую речь
шепотка щепоткой

над завесой размазанных знаков
уступая место уходящему вдаль
в пределах багряных
жёлтых фиолетовых масс

щепоткой

на краю мира измождённого

знаками
черепки бормотаний
пронзание [размякших] заскорузлых
как мыслить (недетер)минированность

чёрная с золотом баночка
рижских шпрот

слов
монохромным миром

на окраине знака

это простужено необъяснимым светом неуверенности

при замедлении движения симулякра

если мы перестаём быть концом
лучше сплошное
пространство

коснувшись этих скрытых волокон памяти
уличные звуки чьей-то жизни
за окном

в категориях слабого
бытия

я что

никогда не повзрослею

серебряной пустотой
стремиться к центру стаи
пересказывать ветер

вдыхая холодный воздух
тихо скользил в осень
как быстрое грузное небо
на заре человечества
в одно из наших мгновений

в лоснящемся коридоре дня
на лёссовидных карбонатных суглинках
незавершённой своей белизны
черепя приглушённых ударов

забвение обнажает поверхности
прощайте прощания
лучше всего ранним утром
смутное жидкое припоминание
вздрагивая окраинами

скажи
скажи когда вернёшься

тело существует
ничем не становясь
напоминая тавтологические заклинания

всё твёрдое растворяется в воздухе
снег служит сну
и танцы раздевают слепоту

хрустящий пласт тишины
субстанций

в направлении утопического времени

в игры запинаящихся тел
что-то вроде древовидных графов
внутри вертикального неба
приглушённые голоса напряженья

водил бы гулять по утрам
как попало
в растворимом супе тумана
барахтаясь в полусвете
рисовать себя левой рукой